

Старый Новый год

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

С первого по тринадцатое
нашего января
сами собой набираются
старые номера
сняли иллюминацию
но не зажгли свечей
с первого по тринадцатое
жены не ждут мужей
с первого по тринадцатое
пропасть между времен
вытри рюмашки насухо
выключи телефон
дома как в парикмахерской
много сухой иглы
простыни перетряхиваются
не подмести полы
вместо метро «Вернадского»
кружатся деревья
сценою императорской
кружится Павлова
с первого по тринадцатое

только в России празднуют
эти двенадцать дней
как интервал в ненастиях
через двенадцать лет
вьюгой патриаршею
позамело капот
в новом непотерявшееся
старое настает
будто репатриация

я закопал шампанское
под снегопад в саду
выйду с тобой с опаскою
вдруг его не найду
нас обвенчает наскоро
белая коронация
с первого по тринадцатое
с первого по тринадцатое.

...Эти дневниковые стихи записаны мною восемнадцать лет назад. Мне хотелось записать повторяющийся шум падающих хлопьев, шорох времени в них, расслышать навязчивый, повторяющийся, закодированный рефрен снегопада. Я записал то, что услышал. Когда пришла пора публикации, заключительные строки долго не могли пройти через печать. Слово «белая» по отношению к коронации никак не устраивало редакторов. Они прочитали сквозь эту метафору попытку реставрации монархии. Может быть, расслышали подразумеваемую рифму — династия? Да и само понятие Старого Нового года и свечей было тогда оппозиционным по отношению к официальному празднованию Нового года с иллюминированными лозунгами. И напечатали — «светлая коронация».

В то время у меня были сложные отношения с «белой» темой. Незадолго перед этим разразился скандал в связи с публикацией в «Новом мире» стихотворения «Не пишется». Строчку «О чем, мой серый, на ветру ты плачешь белому Владимиру?» истолковали, как имеющую отношение к наследнику русского престола Владимиру Кирилловичу. Кто мог думать, что настанет время, когда сам Владимир Кириллович Романов триумфально приедет в Санкт-Петербург и можно будет совершенно естественно говорить о таких вещах...

Сейчас нас замело ностальгическими понятиями. «Жизнь за царя», «Покаяние», «Господин»... В те же годы, когда нам кричали «господин», это звучало оскорблением, равнозначным понятию «враг народа». Увы, одновременно возвращаются из прошлого и всякие «пост-хренации». Но об этом — не сейчас.

К тому же циклу стихов, написанных с рождественским ощущением любви, как ниши, куда можно укрыться от ужасов бытия и прикоснуться к Вечности, относятся «Снежные сожаления» и «Любите при свечах». Владимир Высоцкий и Борис Хмельницкий создали музыку к ним и пели в таганском спектакле «Берегите ваши лица». Спектакль был запрещен после трех показов. Таганка еще была едина тогда, вирус печали и распрей не раздирал ее, и страна еще не распалась. И верилось, что наивно заклинание «Любите при свечах» может спасти не только в христианском, но и в чувственном смысле.

В любовь тогда уходили, как в эмиграцию. То же эхо катастрофичности и оппозиционности чувства — в опере «Юнона» и «Авось». Там прямая цитата из «Старого Нового года».

Есть апостольское число,
Для России оно —
двенадцать.

Согласно точному математическому, идущему от астрологов, от Хлебникова, исчислению, всплески нашей истории, беды и катастрофы рефреном происходят через двенадцать лет. 1905-й год. 1917-й, 29-й, 41-й, 53-й — исторические вехи нашего сознания. Последнее «12» выпадает на 1989 год. Сейчас мы оказались в пропасти между времен.

Логикой нам из пропасти не выбраться. Ни один логический путь, ни одна известная нам экономическая программа, похоже, из нее не выведут. Думаю, только мистическая судьба страны может спасти. Верю, что у России есть мистическая ипостась — алогичная, сюрреалистическая. Может быть, искусству дано обозначить будущую судьбу или прошлое России?

Раньше, оказавшись в иной благодатной стране, пытался продлить в ней пребывание. Сейчас — стараешься побыстрее вернуться домой. Открыть выставку или издать книгу и — скорей вернуться сюда. Ты должен быть здесь. Не в твоих силах, конечно, остановить падение рубля, отразить катастрофу, которая на нас обрушилась. Но если ты здесь — то, может быть, как и все, своим присутствием помогаешь народу выжить. Может быть, нас спасет общее энергетическое поле людей?..

Сейчас занимаюсь минималистским видом искусства, «видеомами», ограничивая себя в материале — одно-два слова, иероглиф. В пору гиперинфляции слов, многословия, тянет к конкретному. Если каждый станет творить свое, пусть крохотное, но созидающее, может быть, мы пропасть и преодолеем. Несмотря на все чудовищное, что было раньше, на то катастрофическое, что происходит сейчас — остается надежда на конкретное дело, на людей конкретного дела...

А стихи «Старый Новый год» Игорь Николаев, юный тогда композитор, положил на музыку. Его романс спел с экрана блистательный актер Александр Абдулов, до той поры не принадлежавший к плеяде певцов. Может быть, это одно стоит стихотворения?